

В служении Богу и людям

Даты бывают разные, есть среди них и скорбные. Но все ли потери родных и близких оставляют после себя на земле лишь горечь утраты...

– Нам бы о батюшке поговорить, 16 мая – годовщина его ухода из жизни, – попросила матушка Валентина Некрасова, вызвав меня в притвор Никольского храма после панихиды на Радоницу. Встретились, как условились, накануне Дня Великой Победы в «Дивнограде». Сияло солнце, кипела работа по наведению красоты в парке, пронзительно стрекотала газонокосилка. Подрулившая на машине, матушка тут же приняла мое предложение поговорить в другом месте. Распахнула передо мной переднюю дверцу и сама уселась в летнем голубом платье, по-девичьи легкая.

– Как это у вас получается ловко, – восхитилась я, когда она нажала на педаль, и мы отправились в недалекий путь, к моему дому.

– Больше 30 лет за рулем, – не без удовольствия ответила матушка, а я добавлю сейчас от себя – и все эти годы была личным водителем протоиерея Владимира Борисовича Некрасова. Удивлялись в первое время прихожане: за рулем матушка, такая миниатюрная, хрупкая. Это теперь женщина за рулем – обычное дело, а тогда подобное было внове. В 1989 году прибыли супруги на Белгородчину из далекого Читинского края, и через девять лет он получил назначение на должность настоятеля Валуйского храма во имя Николая угодника. Возглавить устоявшийся приход – все равно, что заменить отца большого семейства, пастыря, непререкаемый авторитет которого простирался далеко за церковной оградой. Таким был трагически погибший приснопамятный отец Андрей Паюл.

Помню первую мою встречу с отцом Владимиром, тут же согласившимся дать интервью, чтобы пообщаться с православными через газету, поговорить на духовные темы. Беседа была опубликована в приложении «Еще не вечер». Начались звонки в редакцию. Читатели просили

повторить материал в «Валуйской звезде». Настоячивое пожелание было выполнено, о чем предупредила меня Т.М. Кирпилева, бывшая тогда редактором. Редкий случай, надо заметить, – подобный повтор. С напряжением будущая ждательства отца Владимира ждала своего пастыря. Снова Никольский храм наполнился народом, сформировался приход. Немалый духовный опыт к тому времени уже сложился у благочинного настоятеля.

– Под влиянием маститых духовников возрастал, – спешу записать слово в слово неторопливую речь матушки, когда мы, усевшись друг против друга, начали беседу. – Первым наставником был архиепископ Иркутский и Читинский, управляющий Дальневосточной епархией Вениамин (Новицкий). Глубоко верующий, 15 лет он провел в ссылках на Севере, – продолжает она. Преданность православию помогала выжить осужденным в труднейших условиях. Немного словна была в разговоре матушка. Но так убедительна, будто все пережила сама. И оптимизм вынесла. Тот самый, которому научился у своих духовников супруг. Батюшкой его называла. Вроде неожиданно сейчас звучит это слово, но как оправданно. Если учесть канву беседы, в которую опять и опять вплетется оно. Все пройденное им пережито и ею, верной и преданной помощницей. С благодарностью вспоминала и настоятеля храма дней их молодости, прошедшего репрессии, Иакова Ващишина. И протоиерей Николай Зелинский выдержал испытания на преданность Богу. Не осуждали они ни своих преследователей, ни тех, кто оговорил их.

– И матушками духовно возрастал. Монахами монастыря, где служил, – продолжает Валентина и сообщает, что именно у насельниц обители перенял умение печь просфоры, кроить и шить церковные облачения. «Да-да,

повторить материал в «Валуйской звезде». Настоячивое пожелание было выполнено, о чем предупредила меня Т.М. Кирпилева, бывшая тогда редактором. Редкий случай, надо заметить, – подобный повтор. С напряжением будущая ждательства отца Владимира ждала своего пастыря. Снова Никольский храм наполнился народом, сформировался приход. Немалый духовный опыт к тому времени уже сложился у благочинного настоятеля.



– повторяет в ответ на мое удивление, – всему обучился. Мы и подризники с ним вышивали».

– А как общее занятие, должно быть, вас сблизало! – невольно восхитилась, слушая.

– И беседы шли при этом духовные, – с удовольствием подхватила моя собеседница.

– Сильным молитвенником батюшка был, – выражаю свое мнение, вспомнив его на литургии.

– И дома много молился, – говорит матушка. – Люди шли к нему, несли записки с именами усопших и ныне здравствующих. Из Белгорода ехали, Старого Оскола, соседних районов. По всей области знали как благочинного, – уточняет в ответ на мои расспросы. Разговор сам собой переходит на личное.

– А в чем счастье... вообще-то бывает? – спрашиваю попросту.

– Ой, и не знаю, как сказать!.. – в тон отвечает моя собеседница. – Наверное, в доверии, взаимопонимании. И в том, чтобы с Богом жить, с Его благословением. Взять нас, к примеру. Вместе прожили без малого 42 года, четверо детей родилось, все желанные, росли при храме. И между нами, как супругами, – всегда полное доверие...

– Посещение церкви детьми... – подхватываю тему, – что оно дает?

– Да многое... Например, то, что ребенок растет более правильным и реже воровает, – объясняет многоопытная мама и бабушка, отдавшая жизнь семье. Валентине было 19 лет, когда пошла под венец с юным Владимиром.

– Счастлива была? – не могу удержаться от вопроса, так затаенно-мило вспомнила моя собеседница тот давний возраст. В ответ кивает головой, улыбается, а я люблюсь ею. Столь открытой, доверительной не знала матушку раньше. Рада поговорить о дорогом человеке, который, уйдя в мир иной, остался рядом, присутствие его – во всем. И все пережитое – тут же, в памяти. А вспомнить матушке есть о чем.

Столько вложено им, благочинным. Два десятка храмов в округе освящено, новых и поднявшихся из руин. Время такое выпало – возрождение духовности. «Округ большой, объединяющий в себе, кроме Валуйского района, – Вейделевский, Ровенской, Волоконовский. А это ответственность, переживания, – говорит матушка. – Вот и заслужил право вести Божественную литургию до Херувимской при открытых вратах».

– И орденом награжден, – подсказываю.

– Да, преподобного Сергия Радонежского II степени.

– И митрой поощрен как еще одной наградой, – продолжаю перечень заслуг отца Владимира и кладу на стол фотографию. На портрете благочинный настоятель в красной пасхальной ризе и в головном уборе, в котором имеют право служить лишь архипастыри и особо заслуженные священники. «Будешь обо мне писать – вот тебе фото», – сказал когда-то батюшка и вручил фотоснимок. Не знаю, какой случай он имел тогда в виду, а Господь судил посвятить сегодняшний разговор его памяти.

– Свечи оставляют на его могилке, – светло говорит матушка. – Придешь и видишь: побывали здесь, помолились. Люди хотят взаимных молитв и получают их, когда молятся о усопшем, – продолжает она, и нет трагической скорби ни в словах, ни в тоне, каким они сказаны. – Такое впечатление, что он просто уехал и скоро вернется, – обобщает матушка.

«Батюшка, благослови», – просит она, выходя из дома или приступая к доброделю делу, и по-прежнему чувствует его поддержку, такую привычную в прожитой жизни. Вот она, истинная вера в Божий промысел, который всегда во благо – понимаю сокровенное, слушаю свою собеседницу, благодарящую Бога за все от всего сердца. А как тяжело было пережить дни после ухода из жизни человека, с которым срослась и стала единой душой, – и это приняла, не посетовала.

– И дети просят благословения, как раньше, – продолжает матушка. Улыбнулась, вспомнила Ваню. С трехлетнего возраста помогал в алтаре, а нынче – семинарист, уже на третьем курсе. «Бабушка, поедем к дедушке, – приехал на днях в расстроенных чувствах, что-то личное беспокоило. – Ты меня оставь, я здесь побуду». Отошла в сторонку. Помолчал на могилке родного человека, мысленно к нему обратившись.

– У меня такое чувство, будто дедушка руку поло-

жил мне на голову. Легко и спокойно стало, – сообщил внук по дороге домой. «Мы все там будем. Он ушел домой...» – говорила матушка, а я спешила записать каждое слово, касающееся всех живущих на земле.

– Я не боюсь умирать, – говорил батюшка. – Главное, – какой багаж возьму с собой, – продолжала Валентина вспоминать о супруге. Повела о его любви к Владычице Богородице. Акафисты к Ней были повседневным правилом. «Я уповаю на Богородицу, Божия Матерь никогда не оставит», – говорил он и почил на другой день после празднования Дня святых жен-мироносиц на третьей неделе по Пасхе. Он не отличался крепким здоровьем. По немощам и на покой ушел, возвращаясь служить в алтаре по большим праздникам. С жизнью земной расстался, как просил в молитвах – «безболезненно и непостыдно». «Иди, помолись», – благословил матушку после семейного ужина. Обычно молились врозь, у каждого свое правило. На этот раз сам предстал пред Богом. Будто уснул, сидя за столом.

...Батюшка, благословите – просили духовные чада. Улыбался, заглядывал в глаза, каждому находил слово приветствия или шутку, и теплая мягкая его рука касалась склоненной головы.

Не раз наша беседа прерывалась телефонным звонком. Дети о чем-то советовались с матушкой, кратко сообщали о своих делах. И Ванечка-семинарист, будущий Иоанн, дал о себе знать. От кого-то передал поклон, сказал теплые слова, пожелал своей бабушке ангела хранителя. Какая духовная зрелость и отрада в каждом его слове – порадовалась внутри себя юному голосу, прозвучавшему непривычно громко.

– Звонит каждый день. Услышит меня – успокоится: все хорошо. Теперь готовится к сессии, – позже пояснит Валентина Петровна. Значит, вот-вот прибавится в митрополии еще один выпускник семинарии, возьмет на себя нелегкое служение Богу и людям.

Людмила ГАРГУН